

УДК 101

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-11-2-65-80

«ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ» А. А. АХМАТОВОЙ: НЕЙРОСЕТЕВОЙ РАКУРС¹

Сулейменов И. Э., Габриелян О. А.

Аннотация: Выдающиеся художественные произведения «схватывают» Дух своего времени. В статье эта метафора получает объективное объяснение. Текст «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой рассматривается с позиции формирования надличностного уровня переработки информации, существование которого вытекает из нейросетевой теории ноосферы. По аналогии с героями античных мифов образ обобщенного Героя рассматривается как «посредник» между миром обыденности и миром надличностных информационных объектов. Такими объектами становятся культурные феномены: Серебряный век, Петербург как образы конкретного исторического времени и др. Они, в свою очередь, влияют на мир повседневности.

Ключевые слова: «Поэма без героя» А.А. Ахматовой, надличностные информационные структуры, ноосфера, информационно-коммуникативная среда, Серебряный век, нейронные сети, мистерия, герой.

«Поэме без героя» А.А. Ахматовой посвящено значительное число научных работ, причем не только в области филологии. Как правило, авторы таких работ, концентрируют внимание на тех или иных литературоведческих аспектах (пусть и весьма важных с точки зрения понимания поэмы, ее исторического и биографического контекста и т.д.). Авторы таких работ зачастую анализируют содержание поэмы сквозь призму личных привязанностей А.А. Ахматовой, фактов ее личной биографии и т.д.

Так, в работе [1] рассматривается вопрос об отсылке к Байрону в эпиграфе к третьей части (эпилугу) «Поэмы без героя». Подчеркивается, что эта отсылка является зашифрованной, и целью статьи [1] ее авторы ставят установление скрытой связи данного эпиграфа с образом Байрона. Более того, данная работа во многом перекликается с более ранними работами, выполненными в том же направлении [2, 3], где также рассматривается ономастический код «Поэмы без героя».

В работе [4] рассматривается «розановский слой» в «Поэме без героя», причем значительная часть данной статьи затрагивает биографические материалы, в частности «Записки» Л. Чуковской [5], в которых воспроизводятся разговоры с Ахматовой о В. Розанове в 1939–1940 гг.

Автор [6] отмечает, что символический образ Тишины становится в «Поэме без героя» самостоятельным действующим лицом: «В промежутке между этими звуками

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 24-28-00413 «Образ героя в современном российском медиапространстве состояние и перспективы»).

говорит сама Тишина». Этот символический образ в [6, с. 190] связывается со вполне конкретными эпизодами: «Именно она (Тишина) предстает одним из героев-свидетелей трагической развязки любовного треугольника». Эта работа перекликается с более ранней работой того же автора [7], в которой ставится вопрос сложной связи художественного пространства и художественного времени в рассматриваемой поэме, причем значительное внимание уделено смене эпох именно в петербургском контексте.

Указанный выше характер подхода к анализу «Поэмы без героя», едва ли не в большей степени характерен также и неакадемических текстов (соответствующий анализ представлен в [8]), в том числе, представленных в интернете.

В подобного рода источниках весьма распространенным является достаточно очевидный анализ историко-биографического контекста поэмы. Значительное внимание уделяется историческим личностям, которые рассматриваются как «зашифрованные» герои поэмы Вс. Князев, М. Кузмин и др. В работе [9] рассматривается образ тени, причем значительное внимание уделено частотным характеристикам появления различных ключевых слов в ее тексте.

Для целей нашей работы наиболее значимой представляется статья Л. Лосева, в самом начале которой говорится, что «в ахматоведении немалое внимание уделяется поискам «прототипов» «Поэмы без героя». В исследованиях Верхейла, Добина, Долгополова, Жирмунского, Струве, Тименчика, Топорова, Хейт, Цивьян, Чуковского... содержится масса информации о людях и событиях, которые так или иначе нашли отражение в поэме» [10, с. 109]. Далее Л. Лосев показывает, что ни один из персонажей поэмы не может быть окончательно и недвусмысленно связан с одним определенным реальным «прототипом». По Л. Лосеву, «Петербург - одна из наиболее очевидных тем и один из наиболее скрытых героев «Поэмы без героя», возможно, ее главный герой в творческом сознании Ахматовой».

Подчеркиваем, что представленный выше краткий обзор отнюдь не претендует на полноту. Для целей нашего исследования мы полагаем его достаточным.

На наш взгляд, данная поэма имеет настолько глубокий смысл, что его вообще невозможно раскрыть только лишь средствами классического литературоведения. Для этого, как минимум, необходим междисциплинарный подход, предполагающий, в том числе, использование инструментов философской рефлексии.

Доказательство данного тезиса дается нами на основе нейросетевой теории ноосферы [11], а также материалов работы [12], в которой была предпринята попытка показать, что Серебряный век допустимо рассматривать как не вполне осознанную попытку обеспечить контакт человека с надличностным уровнем переработки информации и воспользоваться его ресурсами.

Мы отдаем себе отчет в том, что данный тезис может выглядеть как дань моде на «нейросетевой дискурс», но подчеркнем, что наши исследования этих вопросов были начаты, когда такой моды еще и не предвиделось.

Существование надличностного уровня переработки информации, равно как и существование надличностных информационных структур уже не вызывает сомнений, что можно доказать предельно простым рассуждением.

Такие сущности как интеллект и сознание человека порождаются, в конечном счете, обменом информацией (точнее – сигналами) между нейронами, входящими в состав головного мозга индивида. Однако общение между индивидами в конечном итоге также сводится к обмену сигналами между нейронами, но только локализованными в различных головах. Подчеркиваем, никакого другого физического процесса при межличностном общении нам неизвестно.

То, что именуется сознанием, представляет собой объект сугубо информационной природы – на физическом уровне имеет место только обмен сигналами между нейронами. Соответственно, и в процессе межличностного общения на физическом уровне имеет место только аналогичный процесс. Де-факто речь или зрительный образ первоначально воспринимается не мозгом в целом (и тем более, не сознанием в целом), но вполне конкретными нейронами головного мозга, связанными с соответствующими органами, отвечающими за зрение и слух.

В нечто иное – в то, что на обыденном языке именуется ценной информацией, сигналы (в том числе, поступающие от другого индивида – собеседника) конвертируются в «информацию» только вследствие их последующей обработки мозгом как целостностью.

Для иллюстрации этого положения можно воспользоваться следующей аналогией. Хрусталик глаза человека представляет собой обычную линзу, соответственно, на сетчатке формируется перевернутое изображение. Картинку исправляет мозг, как целостность. Этот пример подчеркивает, что существует вполне определенное качественное различие между собственно обменом сигналами между нейронами и результатом обработки таких сигналов.

Далее, если один и тот же процесс – обмен сигналами между нейронами – порождает весьма нетривиальные сущности (сознание и интеллект человека) тогда, когда он имеет место в пределах конкретной головы, то с таким же успехом он может порождать и иные нетривиальные сущности тогда, когда в обмен сигналами вовлечены нейроны различных людей. Система доказательств, основанная на таких представлениях, в предельном случае (когда рассматривается население планеты Земля в целом) позволяет раскрыть информационную сущность ноосферы как некоего отдаленного аналога головного мозга человека [11].

Важно отметить, что на основе рассматриваемой системы доказательств делается вывод о существовании надличностного уровня переработки информации. Он порождается в процессе межличностного общения. Известны примеры, когда ресурсы этого уровня задействуются на практике. В частности, здесь можно упомянуть методики мозгового штурма, фокус-группы. Эти методики, как правило, строятся на основе эвристических соображений, но это не отменяет самой возможности целенаправленного взаимодействия с надличностным уровнем переработки информации. Более того, даже беглый анализ применения таких методик отчетливо показывает, что они становятся результативными тогда и только тогда, когда они объединяют если не единомышленников, то людей, способных эффективно коммуницировать друг с другом. Главное же – участники процесса должны обладать соответствующим уровнем мотивации, а если называть

вещи своими именами – действовать под влиянием ярко выраженной страсти.

Природа такой страсти, резко интенсифицирующей межличностные коммуникации, может быть самой различной. Это может быть и нацеленность на решение некоторой проблемы, и попытка реализовать концепцию «Председателей Земного шара» (В. Хлебников). В частности, она может быть нацелена и на поэтическое творчество, равно как и на создание музыкальных и живописных произведений членами артистических сообществ («Могучая кучка» и «Передвижники»).

Важно, что в некоем «узком кругу» создается не только сам надличностный уровень, как информационно-коммуникативная среда, но и предпосылки для контакта с этим уровнем переработки информации – за счет интенсификации информационного обмена, порожденного соответствующими страстями, и подкрепленного интеллектуальной насыщенностью. Различные кружки деятелей культуры Серебряного века заведомо удовлетворяли всем этим характеристикам. Более того, как показано в [12], наиболее выдающиеся деятели этого краткого исторического периода интуитивно чувствовали, что целенаправленный контакт с надличностным уровнем переработки информации возможен.

Именно с этих позиций, в частности, допустимо интерпретировать основную идею «Мистерии» А.Н. Скрябина, равно как и философско-мистический дух интеллектуальной атмосферы Петербурга начала XX века в целом. Как подчеркивается в [13], с 1902 г. А.Н. Скрябин разрабатывал философско-мистический проект, названный им «Мистерия»: «Речь шла о некоем синтетическом действе, в котором на основе уникального мистико-философско-художественного произведения создавалось новаторское музыкально-литургическо-театрализованное представление». По замыслу автора, «Мистерия должна была стать глобальным, общечеловеческим и космическим действием, ведущим к полному преобразению всего человечества» [13, с. 84]. Отметим, что в цитированной работе также продемонстрирована органическая связь идей Скрябина с общим контекстом религиозно-мистических учений, возникших в России в конце XIX века.

Как отмечается в [14], многие символисты считали осуществление мистерии первоочередной задачей искусства. Весьма широкое распространение получила идея трансформировать искусство в некие религиозные формы. Возможность конвертации искусства в теургию детально проанализировал В.С. Соловьев. Эти идеи были развиты признанным теоретиком символизма Вяч. Ивановым – создателем концепции дионисийства.

Следовательно, допустимо отталкиваться от аналогии между мистериями античности и идеями таких деятелей русской культуры начала XX века как А.Н. Скрябин. Разумеется, эта аналогия далеко не является полной (трансформации понимания термина «мистерия» рассматриваются в [14]). Однако целеполагание заведомо остается сходным. Так, Вяч. Иванов считал Мистерию смыслом символизма, его конечной целью. «Мистерия – упразднение символа, как подобия, и мифа, как отраженного, увенчание и торжество чрез прохождение вратами смерти; мистерия – победа над смертью, положительное утверждение личности, ее действия» [17, с. 602–603]. Это заведомо некий аналог инициации, приобщение к чему-то недоступному для обыденного сознания через таинство.

Мистерии Древнего мира также по форме представляли собой музыкально-литур-

гическо-театрализованное представление, причем по М. Элиаде, они представляли собой институты, практикующие инициацию.

С точки зрения нейросетевой теории ноосферы, мистерии античности можно трактовать, в том числе, как комплекс обучающих информационных воздействий, примененных к адептам. Современная педагогика признает, что эффективность обучения существенно зависит от эмоционального состояния обучающегося. Следовательно, любые инструменты, обеспечивающие соответствующий эмоциональный настрой (в том числе средства ароматерапии, музыкальные произведения и т.д.) способны существенно трансформировать характер усвоения любых идей и концептов.

Тем самым та сверхзадача, которую некогда ставил перед собой А.Н. Скрябин и другие деятели культуры рассматриваемого периода, действительно может быть наполнена реальным содержанием. Подчеркиваем, что они говорили (если перевести их суждения на язык нейросетевой теории ноосферы) именно о целенаправленном контакте с надличностным уровнем переработки информации.

Его реализация – дело будущего, для чего, впрочем, современные информационные технологии и понимание сущности надличностного уровня переработки информации уже создают вполне определенные предпосылки.

Однако такой контакт может быть осуществлен и на интуитивном уровне. Есть все основания полагать, что интеллектуальная среда Серебряного века обеспечила его реализацию.

Это не могло не наложить отпечаток на творчество наиболее значимых фигур той эпохи, к которым, бесспорно, принадлежит и А.Н. Скрябин, и Вяч. Иванов, и А.А. Ахматова.

Здесь мы подходим к ключевому тезису данной работы.

Чтобы до конца – на ноосферном уровне – понять, почему рассматриваемая поэма не имеет Героя, следует понять, а что такое Герой как таковой (термин понимается в максимально широком смысле, не ограниченном рамками литературоведения). Это возвращает к идеям, заложенным в монографии [15], во многом переосмысленных С.Б. Переслегиным [16].

Как показано в [15], базовые мифы самых различных народов мира имеют одну и ту же структуру. При внимательном анализе [16] нельзя не прийти к выводу, что Герой выполняет функции некоего посредника между миром Богов и миром Людей. Он получает (или крадет) у Богов нечто такое, что позволяет людям перейти на новую ступень развития. Наиболее ярким примером здесь, очевидно, является Прометей, укравший у Богов огонь. Возможны и иные варианты [16]. Так по Библии, новые возможности человек получает в форме проклятия. Но, это не меняет сути дела. Герой – это Посредник. Данное утверждение приобретает вполне рациональную интерпретацию, если воспользоваться системой доказательств, представленных в [11].

В соответствии с [11], сознание человека первично было коллективным. Индивидуализировалось оно достаточно поздно, предположительно, в период завершения матриархата. Соответственно, для человека, живущего в тот исторический период, когда роль

коллективной и индивидуальной составляющих сознания была сопоставимой, древние боги были, в известном смысле, вполне реальными. Именно так – в преломлении через не до конца оформившееся индивидуальное сознание – человек и воспринимал те или иные объекты, развивающиеся на надличностном уровне переработки информации.

Отметим, что вывод о существовании надличностного уровня переработки информации и вытекающая из него интерпретация античных божеств и истоков религии позволяет интерпретировать с естественнонаучных позиций точку зрения авторов [14]. Мистерия (равно как и Миф) не является плодом индивидуального сознания. Это – древние знания о мистических реальностях, которые хранятся в коллективной памяти. Это – трансформированный религиозный опыт, ставший недоступным для духовного видения современного человека.

Но такого рода сущности, развивающиеся на надличностном уровне переработки информации, «не могут действовать сами». Их реальное взаимодействие с миром людей может осуществляться только через те или иные персоналии. Есть все основания полагать, что именно этот механизм и лежит в основе появления пассионариев (термин понимается по Л.Н. Гумилеву).

Важно иное. Деятели культуры Серебряного века интуитивно поняли именно эту роль – и возложили ее на Поэта или Художника.

Скрябин, создавая свою Мистерию, как свидетельствуют воспоминания его современников, проанализированные в [14], отдавал себе в этом отчет, отметим это еще раз. В данной работе подчеркивается: «Соборный дух будет рожден в процессе воспоминания всех участников мистерии. Они обретут «прапамять». В нашей интерпретации «прапамять» — это та информация, которая зафиксирована на надличностном уровне переработки информации.

Нам сложно судить – особенно если рассуждать в терминах современной теории информации – о том, какую форму приобрели аналогичные представления в сознании других деятелей культуры Серебряного века, но не вызывает сомнений, что надличностный уровень информации, с которым они контактировали заведомо более эффективно чем другие, наложил на каждого из них свой отпечаток.

Они интуитивно схватывали «Дух времени» и спустя десятилетия мы удивляемся их прозорливости. Примеров очень много, чтобы считать это удачным случайным совпадением. Так, в автобиографической поэме «Первое свидание» (1921 г.) Андрея Белого появляются такие строчки, которые вполне можно считать пророческими:

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопушшею бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой...

Их конечно, можно было бы отнести к случайности, но они не выглядят таковыми, если вспомнить, что в поэме переплетаются два разных плана – повседневности и мисти-

ки. А центральный эпизод поэмы – это философское прозрение в духе учения Соловьева о Софии, как считал сам А. Белый. Если к этому добавить, что он относится к основоположникам русского символизма, то отмеченное совпадение обретает очертания некоей закономерности.

В этом ряду примеров, не менее поразительным, является известная картина Кузьмы Петрова-Водкина – «Купание Красного коня» (1912 г.). Известно, что художник тяготел к философии, стремился создать художественными средствами – сферической перспективой и тремя основными цветами (красным, синим и желтым) – «новую живописно-философскую картину мира». Более того, он был одним из членов-учредителей Вольной философской ассоциации (Вольфила [17]), среди организаторов которой были Р. В. Иванов-Разумник, Андрей Белый, А. А. Блок, В. Э. Мейерхольд. В период 1919—1921 годов К. Петров-Водкин в своих лекциях и статьях об искусстве обнаруживал влияние идей К. Э. Циолковского, «космизма» философа Н. Ф. Фёдорова и естествоиспытателя В. И. Вернадского. Путь к созданию картины был замысловат – разные эскизы, цветовое решение, знакомство с новгородской иконописью. Но бессознательное приводит художника к тому окончательному варианту, который нам хорошо известен. В 1914 году, когда разразилась Первая мировая война, а позже и революции, то многие увидели в картине символизм «исконного лика России». А сам художник воскликнул: «Так вот почему я написал „Красного коня“!».

Есть все основания полагать, что А.А. Ахматова интуитивно понимала, что Серебряный век – это не отдельные его представители, а коллективно сформированная ими интеллектуальная среда, в которой уровень обмена интеллектуально насыщенной информацией стал настолько высок, что эффективный контакт с надличностным уровнем переработки информации состоялся в интуициях творчества деятелей культуры Серебряного века.

Одним из косвенных аргументов в пользу этого суждения – равно как и в пользу того, что А.А. Ахматова обострённым чутьем истинного поэта воспринимала суть дела – является тот факт, что реальным «действующим лицом» в рассматриваемой поэме является не вполне ясно очерченная совокупность участников карнавала.

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном,
Самый скромный — северным Гланом,
Иль убийцею Дорианом ...

Их много, они – разные, но они составляют целость, что подчеркивает вся структура первой части поэмы.

Можно, конечно, как это делают авторы работ, цитированных в [10], искать реальные прототипы участников воображаемого автором карнавала, но, с нашей точки зрения это – вторично.

Совокупность их образов отражает прежде всего, тот исторический период, когда «призрак» контакта с надличностными информационными структурами обретал плоть.

Причем существенно, что этот контакт обеспечивался интеллектуальной средой, пронизанной мистериальным духом, именно как системной целостностью.

Отметим, что коллективный характер образов рассматриваемой поэмы ясно продемонстрирован Л. Лосевым [10, с. 122]: «...Персонажи поэмы так же, как и автор, лишены личностных границ. Они то частично, то полностью совпадают, сливаются друг с другом, а все вместе образуют некое карнавальное единство – город Ахматовой. «Город» здесь – понятие культурно-мифологическое, а не географическое и не историческое».

Нацеленность на «коллективное», как показано в цитированной работе, отражается и в нарративной стратегии Ахматовой в «Поэме без героя», которая противопоставлена традиционной. «В традиционных повествованиях «образ автора» постепенно выстраивается, конкретизируется (чаще всего путем стилистических приемов), Ахматова же стремится к полному, если воспользоваться словами другого поэта, растворению себя «во всех других» [10, с. 122].

Именно это интуитивное ощущение контакта с надличностным уровнем переработки информации, на наш взгляд, и передают следующие строки рассматриваемой поэмы

Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Все таинственно в пришлеце.

Авторы многих текстов, посвященных творчеству А.А. Ахматовой, видят в этих строках отсылку к А.А. Блоку. С нашей точки зрения, это не столь существенно. Важно иное – спустя десятилетия автор отражает Дух той эпохи, состоящий в стремлении «выситься над обыденностью», оперируя только своими собственными силами, причем неважно на какую именно форму творчества они будут нацелены. Ключевым фактором здесь становится именно коммуникационная среда.

Далее, представления о надличностном уровне переработки информации неизбежно приводят и к представлениям о «параллельном настоящем», которое, как утверждает С.Б. Переслегин [16], не может не отбрасывать «Тень» на реальность.

С точки зрения нейросетевой теории ноосферы, в этом также нет решительно ничего мистического. Практически любому человеку приходилось анализировать допущенные ошибки, думать о том, «что бы было если бы я поступил иначе, а не так, как это случилось в прошлом». В известном смысле он, тем самым, конструирует некую альтернативную реальность, пусть и сугубо «виртуальную».

Есть все основания полагать, что такая «рефлексия несуществующего», порождающая «Тень» текущей реальности, может быть присуща отнюдь не только тому фрагменту глобальной нейронной сети – ноосферы – который формируется головным мозгом отдельного человека.

Если это так, то ноосфера «рассматривает» – наряду с текущей реальностью – и некие гипотетические варианты, которые не реализовались на практике, но «мысль» о которых оказывает воздействие на процессы, протекающие на надличностном уровне переработки

информации. Тем самым ноосфера порождает «Параллельную реальность», существующую на надличностном уровне переработки информации.

Следующие строки рассматриваемой поэмы, как минимум, могут служить иллюстрацией к этому тезису.

И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.

Несуществующий физически объект действительно может стать – при определенных условиях – некоей информационной реальностью, подобно тому, как древние боги не существовали физически, но – через сложные механизмы информационной природы – воздействовали на развитие человеческой цивилизации. В скобках отметим, что человеческого сознания как такового физически тоже не существует – это информационный объект, порожденный вполне определенными физически существующим процессами, но само оно – это нечто иное.

Ощущение «реальности нереального», сквозит через весь текст поэмы.

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.

Сходным образом, автор подчеркивает вариативность своей собственной «теневой» судьбы, на что, без сомнения наложила отпечаток очень непростая биография ее сына – Л.Н. Гумилева.

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом ...

Представления о существовании «параллельных реальностей», отчётливо коррелируют также с еще одним суждением, высказанным Л. Лосевым в [10]. «Но если Deus действительно conservat omnia, то не избирает ли Он поэта исполнителем этой консервативной функции. Город, который назывался Санкт-Петербургом, существует не на берегах холодной и грязной Невы, а в строках ее поэмы, сохраненный навсегда ее гением». В этих строках – очевидная отсылка к одному из эпиграфов рассматриваемой поэмы «Deus conservat omnia».

Л. Лосев, как и мы, утверждает, что Петербург Серебряного века, продолжает существовать. Но, с позиций нейросетевой теории ноосферы, его суждение перестает носить метафорический характер. Петербург Серебряного века представляет собой информа-

ционную реальность, один из тех объектов, что реально существуют на надличностном уровне переработки информации (подчеркиваем – реально существуют в той же самой мере, в которой реально существует человеческое сознание).

Как и утверждает Л. Лосев, Петербург Серебряного века действительно является героем рассматриваемой поэмы, но это не в полной мере отражает ее суть. Этот Петербург выполняет функцию Героя и в указанном выше смысле – функцию посредника между миром обыденности и миром надличностных информационных объектов. Точнее, Героями – или скорее, «Тенями» Героев, становятся отражения реально существовавших людей, чей «ментальный отпечаток» вполне может сохраняться на надличностном уровне переработки информации.

Складывается устойчивое впечатление, что поэма во многом обращена именно к «Тени» самой Ахматовой. Эта тень продолжает существовать на надличностном уровне переработки информации уже безотносительно устремлений «прототипа».

Ты – один из моих двойников.

Следующие строки подчеркивают неоднозначность восприятия такой «Тени» самим автором

Мне ответь хоть теперь:
неужели

Ты когда-то жила в самом деле...

«Тень» настолько отдаляется от «прототипа», что их взаимосвязь воспринимается как все более и более иллюзорная. Скрытый – возможно, даже от самого автора – пафос поэмы это – прославление «Тени» Героя, воплощением которого может стать поэт или художник, достойный так именоваться.

Общество середины XX века не могло не восприниматься Ахматовой как преимущественно враждебное. Неудивительно, что поэтесса обращается к Героям, существующим в иной – информационной («параллельной») – реальности. Но, реальность (в указанном выше смысле) таких Героев, выражается в том, что они продолжают оказывать сильнейшее информационное воздействие на текущую реальность.

Это отчетливо демонстрирует творчество поэтов 1960-х годов в СССР (примером является влияние Ахматовой на творчество Иосифа Бродского [18]), а также характер его воздействия на массовое сознание. Более чем наглядно это прослеживается в его стихотворении на столетие Ахматовой, где снова звучит мотив «Deus conservat omnia», выражающий некую форму бессмертия Героя, заслужившего формирование своего значимого отражения на надличностном уровне переработки информации:

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острые и усеченный волос –

Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

Степень ассимиляции нарративов, «унаследованных» от Ахматовой (шире – Серебряного века), преобразованных «шестидесятниками», массовым сознанием наглядно показывает, насколько значимым является воздействие информационных объектов указанного выше типа. Нетрудно показать, что эти нарративы, а точнее – Герои, пребывающие в «Тени», действительно воздействовали не только на отдельных людей, но и на социокультурный код.

Более того, эти Герои продолжают сохранять главное из того, что породил Серебряный век – возможность контакта с высшими информационными структурами. Следовательно, можно утверждать, что «Поэма без героя», по существу, обращена в будущее. Автор настойчиво демонстрирует, что «Герой» - или его антипод «без лица и названия» - может выйти из «Тени»

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза...

На сформулированные выше гипотезы можно посмотреть и с общих позиций. Будем исходить из того, что Герой (понимаемый в терминах, допускающих также рассмотрение Героев древней мифологии [15]) является посредником между миром обыденности и надличностным уровнем переработки информации, т.е. является своего рода действующим агентом ноосферы.

Следовательно, любой Герой имеет две ипостаси: реальную и «теневую», которая при определенных условиях представляет собой «ментальный отпечаток» реально существующих людей (или сообществ). В этом смысле выражение «обессмертить свое имя», часто применяемое к выдающимся деятелям культуры и науки, перестаёт быть сугубо метафорическим. Они действительно обретают некую информационную форму бессмертия, сохраняющую возможность для воздействия на реальный мир.

Более того, есть все основания полагать, что именно такие информационные объекты оказывают выраженное воздействие на социокультурный код. Приведем наиболее очевидный пример. Ноосфера обладает достаточно сложной структурой [11]. Одним из факторов, порождающих ее относительно самостоятельные фрагменты, являются естественные языки, например, русский. Действительно, интенсивность информационного обмена в пределах среды, сформированной конкретным языком, заведомо выше, чем с ее окружением (языковой барьер). Возникает вполне определенный сегмент надличностного информационного пространства, комплементарный соответствующей языковой среде. Именно этот сегмент, в конечном итоге и определяет формирование особенностей социокультурного кода (за исключением тех, что восходят к архетипическим образам – заре человечества). Следовательно все те личности, которые оказывали влияние на характер

функционирования языка, заведомо оказывают большее или меньшее воздействие и на социокультурный код. Далее, устойчивость социокультурному коду любой страны придает наличие его «резервных» модификаций, который будет актуализирован при соответствующих обстоятельствах.

Применительно к рассматриваемой поэме, можно утверждать, что ее Герои (в том числе, Петербург) во многом могут быть отнесены к объектам, связанным именно с формированием резервной модификации социокультурного кода, сохраняемой на протяжении нескольких поколений.

Данное обстоятельство также служит еще одним аргументом в пользу разработки средств, обеспечивающих целенаправленный контакт с надличностными информационными объектами. Обеспечив контакт с высшими уровнями переработки информации, можно попытаться извлечь то, что находится в «Тени», вплоть до актуализации нереализованных возможностей, иначе – вплоть до использования ресурсов «параллельного настоящего».

Соответствующие идеи уже витают в воздухе. Есть все основания полагать, что они в обозримом будущем будут реализованы, что определяется, в том числе, экономическими факторами.

Поле для «географической» экспансии человечества практически полностью исчерпано (площадь Земли конечна). Попытка обеспечить экспансию на нижние этажи строения материи, осуществлённая под брендом «нанотехнология», не принесла макроэкономически значимых результатов. Но, рыночная экономика может существовать только в условиях непрерывного расширения рынков. Следовательно, поиск направления для экспансии становится жизненно важным. Надличностный уровень переработки информации в этом смысле становится более чем привлекательным. Есть все основания полагать, что в обозримом будущем начнется ожесточенная конкуренция за обеспечение контакта именно с ним.

Позволим себе перефразировать Ахматову, отталкиваясь от строк

А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

Сегодня мы ожидаем наступления – не календарного, но настоящего – третьего тысячелетия. «Как и в прошлый раз», предощущение грандиозных перемен становится все более и более выраженным. Есть все основания внять пророчествам (пусть и интуитивным) Серебряного века, и попытаться сделать то, что не смогли сделать они – выйти на иной уровень взаимодействия с реальностью, максимально задействовав ресурсы надличностного уровня переработки информации, причем (на этот раз) верифицируемым способом.

Путь нам показали. Остается конвертировать интуитивно понимание в «техническое задание для айтишников». На наш взгляд это возможно, но обсуждение данного вопроса выходит за рамки этой статьи.

Список литературы

1. Белоусова О. Г., Полонская А. А. Байроновские подтексты в заголовочном комплексе «Поэмы без героя» Анны Ахматовой // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Мат. XII Межд. науч.-практ. конф. (Москва – Пенза, 5–6 апреля 2022 г.) – 2022. – С. 6-10.
2. Рубинчик О.Е. Шелли и Байрон в «Поэме без героя»: изобразительный подтекст // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь: Крымский архив. – 2008. – Вып. 6. – С. 158–191.
3. Темиршина О.Р., Белоусова О.Г., Афанасьева О.В. Ономастические коды «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой как скрытая интертекстуальная адресация // *Litera*. – 2021. – № 12. – С. 48–56.
4. Медведев А. А. «Розановский слой» в творчестве Анны Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111
5. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. –Т. 1. 1938-1941. – М., 2007
6. Хомяков С. А. Тишина как средство создания художественного пространства в творчестве А.А. Ахматовой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2 (155). – С. 187-191.
7. Хомяков С. А. Пространство и время в художественном произведении (заметки о хронотопе «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 3. – С. 208-212.
8. Слабких К. Э. 2010. 03. 028-029. Новые книги об Анне Ахматовой: неакадемическое ахматоведение. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2010. – № 3. – С. 165-173.
9. Черных В. А. Еще раз об образе «тени» в поэзии Анны Ахматовой // Русская литература. – 2014. – № 2. – С. 152-156.
10. Лосев Л. Герой «Поэмы без героя» // Ахматовский сборник. Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. – Париж, 1989. – С. 109-122. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/losev-geroj-poemy-bez-geroya.htm>
11. Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», 2023. – 168 с.
12. Матрасулова Д. К., Сулейменов И.Э. Дионисийство Серебряного века с точки зрения современного культурного взаимодействия Востока и Запада // Осознание Культуры - залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 14–15 апреля 2023 года. – Севастополь: Рибест, 2023. – С. 55-60.

13. Кравченко В. В. Философско-мистический смысл, истоки и параллели «Мистерии» А.Н. Скрябина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 2. – С. 82-94.
14. Фоминенко Ю. А. Особенности понимания мистерии в философской мысли русских символистов / Ю. А. Фоминенко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 41–54.
15. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. – Питер, 2022.
16. Переслегин, С.Б. Возвращение к звездам / С.Б. Переслегин. – М.: АСТ, 2010. – 570 с.
17. Белоус, В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация] 1919-1924: [в 2 кн.] / В. Г. Белоус. – Москва: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005. – 842 с.
18. Кормилов С. И. Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – №. S1 (34). – С. 120-128.

Сведения об авторах

Сулейменов Ибрагим Эсенович – доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, г. Алматы. главный научный сотрудник, Национальной инженерной академии Республики Казахстан.

E-mail: esenych@yandex.ru

Габриелян Олег Аршавирович – доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

E-mail: gabroleg@mail.ru

Suleimenov I. E., Gabrielyan O. A.

A POEM WITHOUT A HERO BY A. A. AKHMATOVA: A NEURAL NETWORK PERSPECTIVE

***Abstract:** Outstanding works of art «capture» the Spirit of their time. In the article, this metaphor gets an objective explanation. The text of the Poem without a Hero by A.A. Akhmatova is considered from the position of forming a transpersonal level of information processing, the existence of which follows from the neural network theory of the noosphere. By analogy with the heroes of ancient myths, the image of a generalized Hero is considered as an «intermediary» between the world of everyday life and the world of transpersonal information objects. Cultural phenomena become such objects: the Silver Age, St. Petersburg as images of a specific historical time, etc. They, in turn, affect the world of everyday life.*

***Keywords:** transpersonal information structures, noosphere, information and communication environment, Silver Age, neural networks, mystery, hero.*

References

1. Belousova O. G., Polonskaja A. A. Bajronovskie podteksty v zagolovochnom komplekse «Pojemy bez geroja» Anny Ahmatovoj //Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere. Mat. XII Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Moskva – Penza, 5–6 aprlja 2022 g.) – 2022. – S. 6-10.
2. Rubinchik O.E. Shelli i Bajron v «Pojeme bez geroja»: izobrazitel'nyj podtekst // Anna Ahmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo. Krymskij Ahmatovskij nauchnyj sbornik. – Simferopol': Krymskii arhiv. – 2008. – Vyp. 6. – S. 158–191.
3. Temirshina O.R., Belousova O.G., Afanas'eva O.V. Onomasticheskie kody «Pojemy bez geroja» A.A. Ahmatovoj kak skrytaja intertekstual'naja adresacija // Litera. – 2021. – № 12. – S. 48–56.
4. Medvedev A. A. «Rozanovskij sloj» v tvorcestve Anny Ahmatovoj // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2020. T. 12, vyp. 1. S. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111
5. Chukovskaja L. Zapiski ob Anne Ahmatovoj: V 3 t. –T. 1. 1938-1941. – M., 2007
6. Homjakov S. A. Tishina kak sredstvo sozdanija hudozhestvennogo prostranstva v tvorcestve A.A. Ahmatovoj //Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2021. – №. 2 (155). – S. 187-191.
7. Homjakov S. A. Prostranstvo i vremja v hudozhestvennom proizvedenii (zametki o hronotopie «Pojemy bez geroja» A.A. Ahmatovoj) //Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. – 2010. – №. 3. – S. 208-212.
8. Slabkih K. Je. 2010. 03.028-029. Novye knigi ob Anne Ahmatovoj: neakademicheskoe ahmatovedenie. (svodnyj referat) //Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. – 2010. – №. 3. – S. 165-173.
9. Chernyh V. A. Eshhe raz ob obraze «teni» v poezii Anny Ahmatovoj //Russkaja literatura. – 2014. – №. 2. – S. 152-156.
10. Losev L. Geroj «Pojemy bez geroja» // Ahmatovskij sbornik. Sost. S. Dedjulin i G. Superfin. – Parizh, 1989. – S. 109-122. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/losev-geroj-poemy-bez-geroya.htm>
11. Gabrieljan O.A., Sulejmenov I.Je. Teorija slozhnyh sistem: noosfernyj kontekst. Simferopol': Izdatel'skij dom FGAOU VO «Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo», 2023. – 168 s.
12. Matrasulova D. K., Sulejmenov I.Je. Dionisijstvo Serebrjanogo veka s tochki zrenija sovremennogo kul'turnogo vzaimodejstvija Vostoka i Zapada // Osoznanie Kul'tury - zalog obnovlenija obshhestva. Perspektivy razvitija sovremennogo obshhestva: materialy XXIV Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Sevastopol', 14–15 aprlja 2023 goda. – Sevastopol': Ribest, 2023. – S. 55-60.

13. Kravchenko V. V. Filosofsko-misticheskij smysl, istoki i paralleli «Misterii» A.N. Skrjabina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. – 2020. – №. 2. – S. 82-94.
14. Fominenko Ju. A. Osobennosti ponimaniya misterii v filosofskoj mysli russkih simbolistov / Ju. A. Fominenko // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. – 2022. – № 1. – S. 41–54.
15. Kjempebell D. Tysjachelikij geroj. – Piter, 2022.
16. Pereslegin, S.B. Vozvrashhenie k zvezdam / S.B. Pereslegin. – M.: AST, 2010. – 570 s.
17. Belous, V. G. Vol'fila [Petrogradskaja Vol'naja Filosofskaja Associacija] 1919-1924: [v 2 kn.] / V. G. Belous. – Moskva: Modest Kolerov i «Tri Kvadrata», 2005. – 842 s.
18. Kormilov S. I. Ahmatova i ahmatovskoe v stihah Iosifa Brodskogo 1962 goda o smerti i vechnosti // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – №. S1 (34). – S. 120-128.

Suleimenov Ibrahim Esenovich – Doctor of Chemical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Almaty. Chief Researcher, National Academy of Engineering of the Republic of Kazakhstan.

E-mail: esenych@yandex.ru

Gabrielyan Oleg Arshavirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Simferopol, Head of the Department of Philosophy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

E-mail: gabroleg@mail.ru